

XIV КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ: НАУКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Громов Дмитрий Вячеславович

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
gromovdv@mail.ru

Аннотация. 6–9 июля 2021 г. состоялся XIV Конгресс антропологов и этнологов России. В обзоре рассматривается содержание секций Конгресса. По темам, рассмотренным на Конгрессе, можно составить представление об основных направлениях, разрабатываемых российскими исследователями. В связи с пандемией COVID-19 Конгресс проходил в онлайн формате.

Ключевые слова: этнология, социальная антропология, Конгресс антропологов и этнологов России, пандемия COVID-19.

Цитирование: Громов Д.В. XIV Конгресс антропологов и этнологов России: наука в условиях пандемии // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 276–282. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3- / Gromov D.V. The 14th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Science in a Pandemic, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 276–282. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-276-282.

© Громов Д.В., 2021

THE 14TH CONGRESS OF ANTHROPOLOGISTS AND ETHNOLOGISTS OF RUSSIA: SCIENCE IN A PANDEMIC

Gromov Dmitry V.

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
gromovdv@mail.ru

Abstract. The XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia was held on July 6–9, 2021. The program of the Congress reflects the main directions of research in the social sciences of Russia. The Congress was held in an online format in connection with the COVID-19 pandemic.

Keywords: ethnology, social anthropology, Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia, COVID-19 pandemic.

6–9 июля 2021 г. состоялся XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Местом его проведения официально является город Томск, там работал Организационный комитет Конгресса, но в действительности заседания проходили дистанционно. Первоначально в связи с COVID-19 предполагался смешанный формат, но в начале июня, в связи с внезапным всплеском третьей волны пандемии заседания перешли в онлайн полностью.

Несмотря на непривычный формат, Конгресс стал важным событием в развитии отечественных социальных наук. В нем приняли участие более двух тысяч человек, выступивших на 69 секциях. По темам, рассмотренным на Конгрессе, можно составить представление об основных направлениях, разрабатываемых отечественными исследователями (хотя на Конгрессе выступило множество иностранных участников, но это прежде всего российский форум).

Список секций Конгресса открыл блок, посвященный важнейшей для Российской Федерации проблеме – миграции: «Социальные, культурные и языковые проекции миграционных процессов» (секция № 1); «Миграции в пространстве Евразии» (№ 2); «Память мигрантов или миграция памяти: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации» (№ 3); «Мигранты и принимающие сообщества в городском пространстве» (№ 4); «Недобровольные переселения и групповая идентичность» (№ 5). От темы взаимоотношения с мигрантами в городах (№ 4) был совершен переход к урбанистической тематике в целом. Тема города была раскрыта в сериях докладов «Городские маргиналы и маргиналии: сообщества и пространства российского города» (№ 6) и «Обрядовые практики в пространстве современного города» (№ 7).

В современном обществе, особенно в странах и регионах, где происходили социальные конфликты, повышенное значение приобретают проблемы интерпретации исторических событий; эти вопросы изучает антропология памяти, она была представлена секциями № 10–15. Три секции посвящены музеям как пространству формирования представлений о прошлом и настоящем: «Советское прошлое сегодня: повседневные практики, нарративы, музейные пространства» (№ 10), «Национальные и этнографические музеи в постсовременности: смена диспозиции» (№ 11), «Этнографический туризм и музееведение» (№ 12). Еще три рассматривают собственно аспекты формирования коллективной и индивидуальной памяти: «(Не)настоящее наследие: наследие, которое мы сохраняем, конструируем, практикуем» (№ 13), «Антропологические подходы к исследованию коллективных травм» (№ 14), «Историческая память в антропологии и устной истории» (№ 15).

Коллективная историческая память тесно взаимосвязана с категорией идентичности, одной из важнейших категорий этнологии и других наук о человеке и обществе. Поэтому логично, что вопросам идентичности был посвящен блок

их трех следующих секций: «Этнокультурные традиции и идентичность народов Поволжья и Приуралья» (№ 16), «Этносоциальные процессы и трансформации идентичностей в динамике этнополитического ландшафта Евразии» (№ 17), «Неотрадиционализм и конструирование новой идентичности в контексте процессов глобализации / глокализации» (№ 18).

В свою очередь, одним из важнейших видов идентичности является идентичность религиозная. Вопросам религии в современном обществе был посвящен самый большой блок секций (№ 19–25): «Цивилизационная деятельность русского православия в условиях социальных вызовов» (№ 19); «Паломничество как объект и метод исследования в эпоху пандемии» (№ 22); «Этноконфессиональная идентичность в условиях глобализации» (№ 23); «Пространственное измерение религии в современном городе» (№ 24). Традиционно большое значение уделялось мусульманству: «Роль ислама в этнических процессах у народов Центральной Азии и Кавказа» (№ 20); «Ислам и территориальность: культурная память, воображаемые пространства, идентичности» (№ 21); «Мусульманские общества в цифровую эпоху: передача знаний и религиозная практика» (№ 25).

Антропология и этнология – дисциплины, находящиеся на стыке со многими другими науками, в том числе естественными. Они ставят перед собой, помимо прочего, задачи осмысления биологической сущности человека в совокупности с его социокультурной сущностью. В частности, этому посвящены секции «Эволюция человека и его социальной организации: междисциплинарные подходы» (№ 26) и «Биологическая антропология и реконструкция внешнего облика человека» (№ 28). Междисциплинарный характер имеет и секция, посвященная этноботанике (№ 27). Еще одно междисциплинарное направление, связанное с включенностью человека в физические, биологические и социокультурные системы, – экология человека. Ей посвящена специальная секция № 29, а частному случаю экологической проблематики – секция № 30: «Этнокультурные последствия депопуляции горных территорий России».

Все или почти все тематические обсуждения Конгресса в той или иной степени направлены на решение практических задач. Практические аспекты и методика исследований обсуждались на площадках: «Междисциплинарная эвристика в практике антропологических исследований: между кабинетом и полем» (№ 32), «Антропология в поисках новых языков описания» (№ 33), «Ресурсный экстрактивизм в антропологической перспективе» (№ 34), «Будущее прикладной антропологии: как нам работать с государствами и корпорациями?» (№ 35), «Теория и практика этнологической и антропологической экспертизы» (№ 36), «Народы мира в объективе российских исследователей: визуализация культуры "других"» (№ 37).

Ориентированность Конгресса на решение политических задач проявляется в секциях: «Политическая антропология и современные вызовы» (№ 38), «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (№ 39), «Исторический опыт самоопределения и автономизации в России и в мире» (№ 40), «Этнополитические процессы в регионах Российской Федерации: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции» (№ 41), «Опыт российских регионов в реализации программ по обеспечению межэтнического и межконфессионального взаимодействия» (№ 42). Продолжая линию остроактуальной этнополитической тематики, в программе Конгресса присутствуют секции «Современный расизм: идеология и практика» (№ 65) и «Ксенофобии в культурно сложном обществе: потенциал бесконфликтного социального взаимодействия» (№ 66).

Еще два мероприятия объединены тематикой языка. Секция 43: «Лингвистическая антропология в России: от фиксации бесписьменных языков до гипотез дальнего родства языковых семей» имеет скорее кабинетную направленность. Зато политически актуален симпозиум «Языковая и этнокультурная ситуация в России и зарубежье» (№ 44). Здесь речь идет о культурно-языковой ситуации в России и сопредельных государствах, о российской языковой политике, о лингвистическом аспекте переписей населения.

Этнологическая тематика часто имеет региональное измерение. Соответственно, многие площадки были посвящены исследованию конкретных территорий – и локальных, и макрорегионов: «Этнокультурное пространство Кавказа и академическая наука (XX–XXI вв.)» (№ 45); «Исследования таёжного Причумылья в контексте новых социальных вызовов» (№ 46); «Антропология Холода: концепты, образы, стратегии, ресурсы (северное измерение)» (№ 47); «“Север на границах”: территории, культуры, идентичности» (№ 67). Две секции (№ 8 и № 31) посвящены американистике.

Новая социальная реальность ставит перед науками о человеке новые вопросы. В частности, на площадке № 50 «Цифровая антропология и социокультурные вызовы цифровой эпохи» речь шла о новых формах коммуникации, самопрезентации в виртуальном пространстве. Широкий круг проблем, связанных с информационными технологиями, охватывает секция 49 «Эпоха “цифры”: полевые исследования и архивация материалов по культурной и социальной антропологии».

Блок мероприятий № 51–53 посвящен традиционным проблемам и современным вызовам в области медицинской антропологии; в частности, адаптации людей с инвалидностью в различных культурах (№ 53) и реакции людей на

эпидемию COVID-19 (№ 51); надо заметить, что доклады, посвященные актуальной теме пандемии, в большом количестве звучали на многих площадках Конгресса.

Небольшой блок посвящен экономическим аспектам этнокультурных процессов: экономическим практикам (№ 54) и некоммерческим организациям этнокультурной направленности (№ 55).

Проблемы гендера и семьи представлены на площадках «Гендерный подход в этнологии, истории и социальной антропологии» (№ 63) и «Антропология семьи и семейных отношений в связи с современными поддерживающими практиками» (№ 64).

Часть секций не входит в блоки, они представляют собой отдельные конкретные темы: «Историографические традиции российской этнологии и антропологии» (№ 9), «Цыганские сообщества в социуме: адаптация, интеграция, взаимодействия» (№ 48), «Фольклор, постфольклор и ритуал как социокультурный барометр» (№ 57), «Употребление алкоголя и воздержание от него как социокультурные практики, факторы социального взаимодействия и объекты этнографического изучения» (№ 58), «Антропология пространства: восприятие и отображение пространства в коллективных знаниях, индивидуальных практиках» (№ 59), «Современная празднично-обрядовая культура» (№ 61), «Антропология искусства: методология и практика» (№ 62), «Социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала» (№ 69). Традиционно мы видим повторяющуюся из конгресса в конгресс тему «Системы терминов родства: историческая динамика, коммуникативный дискурс, межэтнические контакты» (№ 68). Обязательно присутствует и тема визуальной антропологии (№ 56).

Примером необычной концепции, не относящейся к мейнстриму, но являющейся скорее интеллектуальной «игрой в бисер», является концепция секции № 60 «Этнография альтернативного и несостоявшегося: культуры, народы, сообщества, течения».

Добавим, что с программой и тезисами XIV Конгресса антропологов и этнологов России можно ознакомиться на сайте Института этнологии и антропологии РАН по адресу: <https://iea-ras.ru/index.php?go=Ethno>.

В этом году проведение Конгресса дало научному сообществу особый повод для саморефлексии. Речь идет о специфических условиях – *дистанционном* проведении научного мероприятия. Раньше такая форма не использовалась почти

никогда – в качестве онлайн-докладчиков выступали только отдельные участники, живущие далеко или особо приглашенные организаторами; да и то такие выступления часто срывались – многие помнят действия, похожие на «вызывание духов», когда ведущий и слушатели не могут услышать докладчика из-за сбоев Интернета. Теперь в формате программы ZOOM оказались все без исключения. На экранах было видно, что докладчики выступают из собственных квартир, офисов, с дач, из парков и даже, как рассказывают, с пляжа. Участники Конгресса сетовали на невозможность личного общения, столь привычных для прошлых Конгрессов посиделок. Но, с другой стороны, многим формат онлайн оказался удобен – он позволяет не тратить денег на дорогу и проживание, не отрываться от работы; облегчается и работа организаторов. За полтора года пандемии мы привыкли к дистанционному общению. Поэтому вполне вероятными кажутся тревожные предположения постоянных участников о том, что Конгресс антропологов и этнологов России уже никогда не будет прежним, в той или иной форме переместившись в формат онлайн.

Статья принята к публикации 28.08.2021